

*Посвящается Изабель, Джо и Уиллу.
Спасибо за вашу любовь и поддержку.*

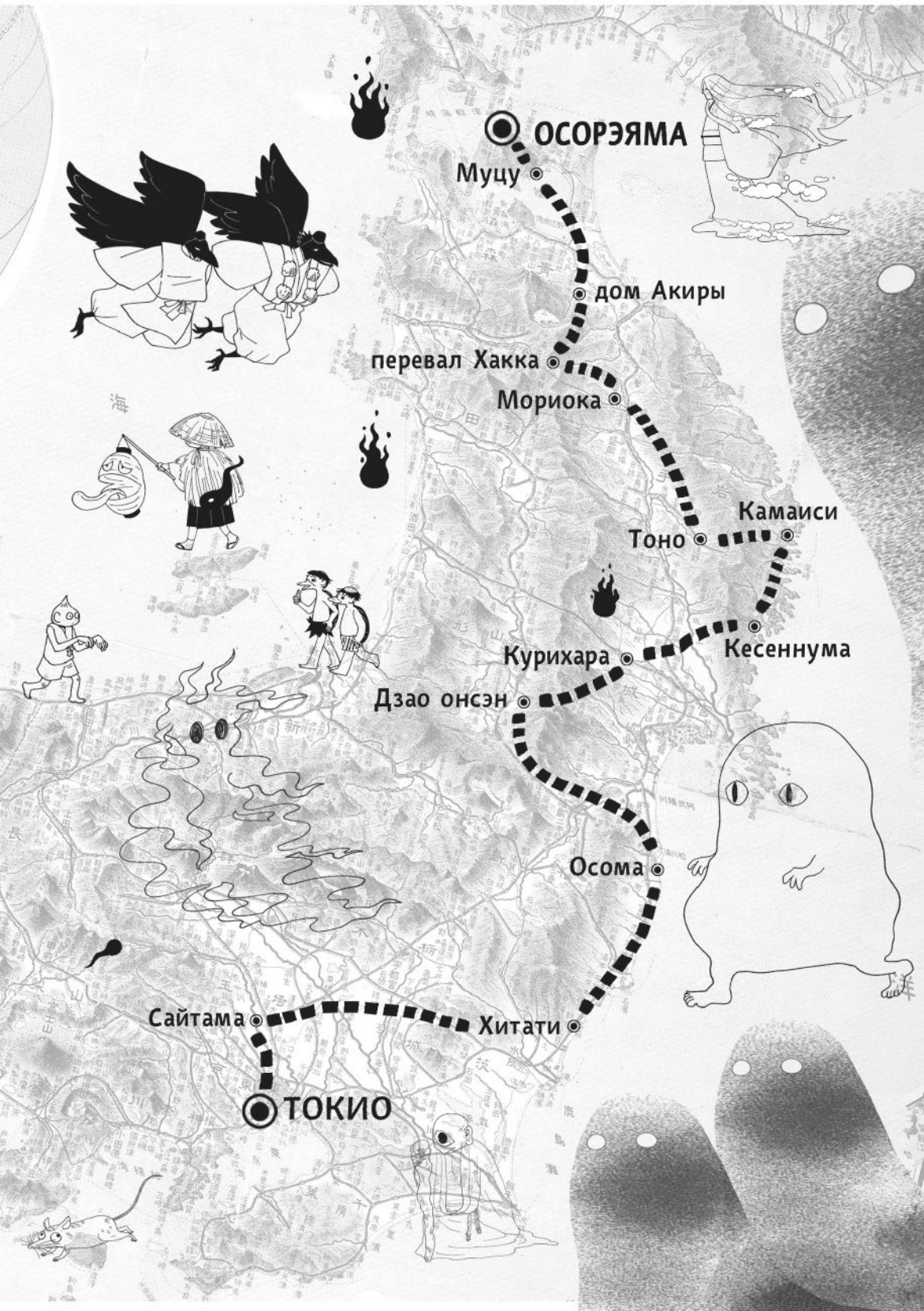
Дж. С.

*Посвящается маме, брату, тетушке С., дядюшке С.
и нашему коту К. И конечно же, моему папе, который
присматривает за мной из иного мира.*

Т. К.

Путешествие Джулиана и Тиэ

Японские слова
и фразы должны становиться
понятными по мере чтения,
но если вам нужен словарь,
то он есть в конце.

Сумерки опускаются на Японию прошлого.

Все собираются, чтобы сыграть в «Хяку моногатари кайданкай» – «Сто рассказов о призраках». Это последний писк моды и в великом Эдо (будущем Токио), и в других городах и селах по всей стране.

Комната, в которой рассказываются участники, остается темной, а в соседней на стол ставят зеркало и зажигают сотню свечей. Дальше игроки по очереди рассказывают истории о дúхах и призраках, чтобы выйти за дверь и задуть одну свечу.

А потом украдкой встревоженно глянуть в зеркало.

Чем дольше тянется ночь, тем темнее становится в комнате и тем больше напряжения добавляет каждая новая легенда о загробном мире и каждый рассказ о встрече с монстрами-ёкаями¹.

Представь, что услышишь, играя в Хяку моногатари кайданкай. Какую историю перескажешь (или выдумаешь)? Настоящую, известную или рожденную твоим воображением?

Представь, что случится, когда прозвучит сотая история и погаснет последняя свеча.

¹ Здесь и далее значение слов, набранных капителью, смотрите в словаре на с. 425.

Но уже смеркается. Время *оумагатоки*:
день перетекает в ночь и один мир сменяет другой.

Если приглядишься к иероглифам, из которых
складывается это слово, — 逢魔時, — может, заметишь,
что посередине там притаился демон (魔, *они*).

Присоединяйся к нам: мы отправимся далеко
на север Японии, соберем легенды о призраках
и других удивительных существах,
а потом вплетем в них мангу — получатся
«100 легенд Токийского кафе призраков»!

СИНДЗЮКУ, ТОКИО.

* Добрый вечер! Рад встрече! (яп.) Здесь и далее японские вывески, фразы и звуки даны в переводе Нины Дружков.

Джулиан-сан!

Хадзимэмаситэ,
йоросику онэгай
симасу*.

Котира косо
йоросику онэгай
симасу!*

* Спасибо! И я очень рада (яп.).

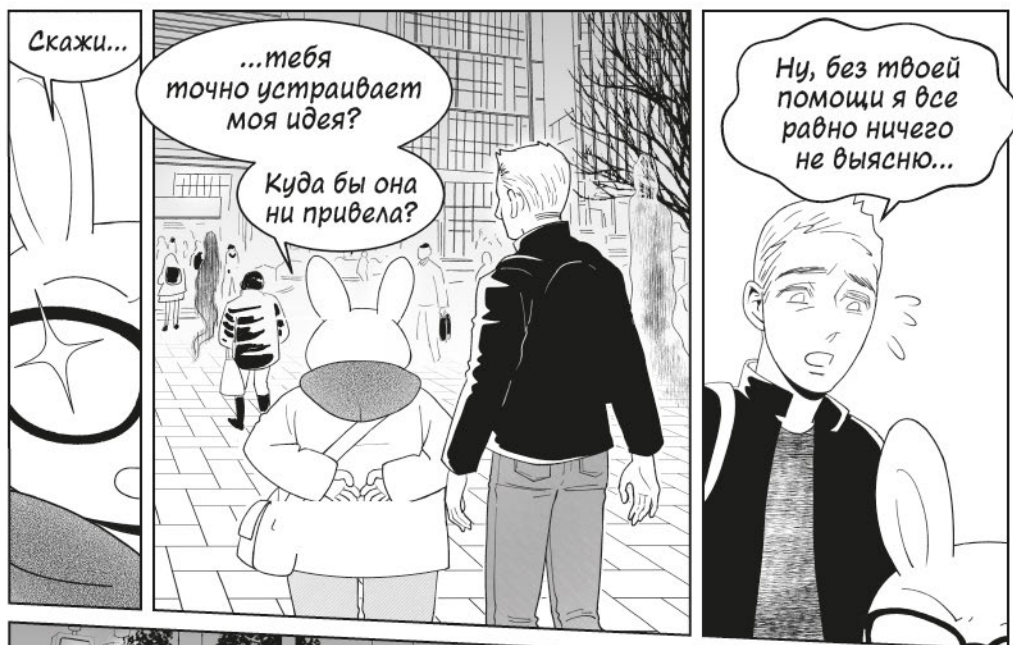

Тиэ-сан,
очень рад наконец
встретиться!

Спасибо,
что помогла
с книгой.

Я уже готова
браться за сле-
дующую.

по границе света и тьмы так, что видно меня только краем глаза.

Ой, что это там?

Ты поворачиваешься — и нет меня, как лучика лунного света, утонувшего в бегущих по небу облаках. Как нет летней молнии, что блеснула, отразившись от экрана телефона, когда ты продираешься под дождем сквозь лабиринты современного Токио.

Но я все еще здесь (с этим уже смирилась) и навсегда останусь, буду бессмысленно гоняться за собственным хвостом. Мой путь — словно нарисованный кистью каллиграфа круг. Если повезет, увидишь, как глубокой ночью я взбегаю по кладбищенской ограде, танцую на задних лапах и как тень моя крадется по земле, а в воздухе кружат лепестки сакуры. Или заметишь, как я несусь в вихре осенних листьев, услышишь, как истошно мяукаю, когда в летнем небе фейерверки рассыпаются искрами. Парой громких хлопков над гладью реки меня не напугать. По крайней мере, теперь.

Чего бояться, если все худшее с тобой уже случилось? Запомни, дорогой мой друг: после того как взберешься на самую вершину горы Страх и посмотришь на простирающуюся внизу долину, все наладится. Правда-правда.

Раз за разом я буду попадаться тебе на глаза: вот во времена, когда ночная тьма была гуще и чернее, а город освещали бумажные фонарики, я лакаю рыбное масло, которым их заправляли. Или вот я с кухонным полотенцем на голове сную туда-сюда, из прошлого в будущее — знамение, что то

появляется, то исчезает. Я видела, как разрастался Эдо, самураи навсегда убрали мечи в ножны, а из-за моря прибывали чужаки. Смотрела, как сердце города пронизывали пути метрополитена. Чувала, как дрожала земля, когда великий сом Онамадзу пытался вырваться на свободу. Наблюдала, как Токио сжигал себя дотла раз, потом другой, а затем проклевывались и устремлялись вверх небоскребы, а реки, которыми я любовалась в юности, скрывались под бетонными шоссе. (Скажи, не во имя ли прогресса?)

А если у тебя вдруг получится сфоткать меня на телефон, увидишь на экране грациозную, может, чуть пухленькую кошку (но для своих лет я в прекрасной форме!). Шубка у нее серебристая, с темными пятнами, будто поверхность Луны, лапы белые, элегантные, а в изумрудных глазах светится решимость.

Чего только люди обо мне не говорят, но ведь у вас всегда и обо всем есть свое мнение.

Ах да, слышал об этом: кошка погибла при бомбежке в 1945-м...

А вот и нет.

Да-да, кошка-призрак! В детстве моя бабушка частенько ее видела. Говорила, та танцевала на задних лапках и крутила перед ней хвостом.

Да я бы никогда! Я считаю, к старшему поколению надо относиться с уважением.

Это просто детские сказки. Не существует ее.

На что поспорим? Вот она я... Думаю, нынче люди слишком заиклены на Интернете и своих проблемах, потому

ничего и не замечают. Видят меня самые зоркие: детишки и старики, отчаявшиеся и бездомные. Для них я танцую — пусть улыбнутся!

Видят меня и многочисленные души усопших, которые все еще блуждают по паркам и безлюдным переулкам. И для них я тоже станцую, чтобы развеселить.

А иногда я не прочь сбить спесь с гордецов, возомнивших, что мир лежит у их ног. Ты спросишь: на что же способен призрак какой-то токийской кошки, если у нее нет ни двух хвостов, ни звериной ярости, ни зловещей славы демона-нэкоматы?

Много на что. Сейчас ты узнаешь мою историю, что называется, из первых лап.

Давным-давно, еще до Великого землетрясения Канто, когда Токио звался Эдо, жил в городе бывший самурай по имени Огава. Имя его значило «ручей» и прекрасно ему подходило. Вот только этот человечиска считал себя не ручейком, а великой полноводной рекой Сумида, не меньше.

Нет, то был даже не человек, а сгусток раздражения и гнева, взращенный на семейных легендах о великих предках-воителях, которому пришлось отказаться от славы самурая и снизойти до перекладывания бумажек под началом богатого торговца. Проще говоря, стать казначеем. Ничего плохого в этом нет, если ты, конечно, не мнишь себя кем-то другим. Огава усердно работал, откладывал деньги и пытался впечатлить окружающих как мог, хвастая посредственными рисунками или новыми кимоно. Так и проходила его жизнь.

Он страшно боялся обнищать, поэтому коридоры его дома были увешаны портретами настоящих знаменитостей призрачного мира: Окику¹, Белой змеи², Снежной женщины³, но пугали они разве что молодую жену Огавы и двух его детишек. С родными, как и с прислугой, он говорил в приказном тоне, точно воин периода Муромати.

Большинство рисунков в коридоре, что вел к его кабинету, были бездарными копиями, это понял бы любой дурак. Но выделялся среди них один, изображавший Окику, бедняжку-служанку, которую вот-вот жестоко изобьют и бросят в колодец. Неизвестно, откуда тот рисунок взялся, но впечатление он производил неизгладимое: стоило мне пройти мимо, как меня бросало в дрожь от вида девушки с застывшим выражением ужаса на лице, а шерсть моя вставала дыбом и шевелилась, как оледеневшая трава на холодном январском ветру. Брр!

Знаешь эту историю? Молодую красавицу Окику, прислуживавшую не только жестокому хозяину-самодуру, но и его такой же ужасной супруге, наказали за то, что она якобы потеряла драгоценную реликвию господ — одну из голландских расписных тарелок. Есть много предположений о том, кто на самом деле спрятал или разбил ту тарелку, но во всех

¹ Окику — кукла, в которую, по легенде, вселился дух маленькой умершей девочки. Эта история стала культурным феноменом Японии.

² Белая змея — монстр из китайских легенд. Девушка-демон по имени Бай Нан, способная превращаться в змею.

³ Снежная женщина (Юки-онна) — женщина-ёкай, которая появляется снежными ночами или посреди метели. Ее описывают как совершенно белую, будто изо льда, красавицу.

версиях истории Окику абсолютно несправедливо обвиняют, казнят, а ее тело бросают в колодец.

В следующую ночь оттуда раздается злое бульканье: мертвая служанка отчаянно и монотонно раз за разом пересчитывает тарелки, надеясь, что их окажется десять...

Одна, две, три, четыре — Окику доходит до девятой, а десятой нигде нет, и тогда из темных глубин колодца вырывается леденящий душу визг.

Ночь за ночью: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять — ви-и-и-и-и-и-изг; одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять — ви-и-и-и-и-и-изг! Агония Окику сводит хозяев дома с ума, и на этом история заканчивается. А на легендарный колодец, если хочешь, можно посмотреть в замке Химэдзи.

Бедняжка Окику.

Когда я была облезлым котенком, молодая жена Огавы нашла меня в куче мусора у Чайного моста и взяла домой. Я все думаю, может, она почуяла во мне родственную душу? Слабым лучше держаться вместе. Так вот, никто не знает, откуда я взялась, кто были мои родители, водились ли у них еще дети и все такое. Подозреваю, что моих братьев и сестер, бедняжек, утопили. Но я выжила, раздобрела, подросла, и хозяйка назвала меня Цуки — Луной. Именно ее поверхность напоминала ей моя шубка.

— Кто моя красивая Луна? — тихо ворковала хозяйка.

Ее детеныши тоже меня любили и выражали симпатию так, как вы, люди, делаете в этом возрасте: диковато и грубовато гладили да тянули за хвост.